

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
(Первая Секция)

**Дело «Магомадов и Магомадов (Magomadov and Magomadov) против
Российской Федерации»¹**

(Жалоба № 68004/01)

Постановление Суда

Страсбург, 12 июля 2007 г.

По делу «Магомадов и Магомадов против Российской Федерации» Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой в составе:

Х.Л. Розакиса, *Председателя Палаты*,

Л. Лукаидеса,

Н. Ваич,

А. Ковлера,

Х. Гаджиева,

Д. Шпильманна,

С.Е. Йебенса, *судей*,

а также при участии С. Нильсена, *Секретаря Секции Суда*,

заседая за закрытыми дверями 21 июня 2007 г.,

вынес в указанный день следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 68004/01, поданной против властей Российской Федерации в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданами Российской Федерации Якубом Адамовичем Магомадовым и Аюбом Адамовичем Магомадовым (далее – заявители) 23 марта 2001 г.

¹ Перевод текста постановления предоставлен редакцией Бюллетеня Европейского Суда по правам человека. Текст опубликован в специальном выпуске «Российская хроника Европейского Суда» № 4/2008.

2. Интересы заявителей представляли юристы неправительственной правозащитной организации «Европейский центр по защите прав человека – Мемориал» (NGO EHRAC/Memorial Human Rights Centre) (далее – организация «Мемориал»). Власти Российской Федерации были представлены Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека П.А. Лаптевым.

3. Заявители являются братьями. Они утверждали, что их брат, Аюбхан Магомадов, был задержан в октябре 2000 г. и затем исчез. Второй заявитель также утверждал, что в апреле 2004 г. первый заявитель исчез при подозрительных обстоятельствах. Жалоба основана на статьях 2, 3, 5 и 34 Конвенции.

4. Решением от 24 ноября 2005 г. Европейский Суд признал жалобу приемлемой для рассмотрения по существу.

5. После того как, проконсультировавшись со сторонами, Палата Суда приняла решение, что не было необходимости в проведении устных слушаний (пункт 3 правила 59 Регламента Суда *in fine*²), стороны в письменной форме ответили на замечания друг друга.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявители являются братьями. Они родились в 1967 и 1965 годах соответственно и проживали в Чечне.

7. Обстоятельства исчезновения брата заявителей, Аюбхана Магомадова, и первого заявителя, как они представлены сторонами, изложены в разделе «А». Описание материалов, представленных властями Российской Федерации, содержится в разделе «В».

А. Доводы сторон

1. Задержание и «исчезновение» Аюбхана Магомадова

8. Заявители проживали вместе с семьей в с. Курчалой Чеченской Республики. Их брат, Аюбхан Магомадов, 1969 года рождения, проживал в одном с ними доме. Брат заявителей играл в местной футбольной команде и в 1998 году был признан лучшим футболистом Курчалоевского района.

9. Заявители сообщили, что 2 октября 2000 г. в их доме и в доме их соседей был произведен обыск представителями вооруженного подразделения Федеральной службы безопасности Российской Федерации, прибывших на пяти автомобилях УАЗ и

² *In fine* (лат.) – в конце (прим. переводчика).

нескольких бронетранспортерах. Документов, подтверждавших законность обыска, представлено не было. Аюбхан Магомадов был задержан в собственном доме людьми в военной форме. Они увезли брата заявителей с собой, и с тех пор его никто не видел.

10. Сразу после задержания Аюбхана Магомадова члены его семьи начали его поиски. За получением сведений о его местонахождении они обращались в различные правоохранительные органы в Чеченской Республике и в г. Москве. Родственники пропавшего представили в Европейский Суд копии обращений в прокуратуру Чеченской Республики, в Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Чеченской Республике, в Управление внутренних дел по Чеченской Республике, а также к Генеральному прокурору Российской Федерации, Главному военному прокурору Российской Федерации, Директору Федеральной службы безопасности Российской Федерации и Министру внутренних дел Российской Федерации. В ответ на свои обращения родственники пропавшего не получили практически никакой существенной информации. Несколько раз ими были получены копии писем о направлении их жалоб для рассмотрения в другие органы власти.

11. 12 октября 2000 г. начальник криминальной милиции временного отдела внутренних дел Октябрьского района г. Грозного (Октябрьский ВОВД), майор И., выдал справку о том, что 2 октября 2000 г. Аюбхан Магомадов был задержан в селе Курчалой по подозрению в совершении тяжкого преступления. Когда подозрения были сняты, Аюбхан Магомадов был освобожден 3 октября 2000 г. в 8 часов 30 минут, после окончания «комендантского часа».

12. Мать заявителей утверждала, что она получила отказ в ответ на свою просьбу о предоставлении ей для ознакомления журнала регистрации задержанных в ВОВД Октябрьского района г. Грозного за соответствующие числа.

13. 6 ноября 2000 г. Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Чеченской Республике сообщило матери заявителей, что сотрудники отдела Федеральной службы безопасности Российской Федерации Курчалоевского района Чеченской Республики не участвовали в операции, проведенной 2 октября 2000 г. В то же время в письме указывалось, что 2 октября 2000 г. начальник районного отдела Федеральной службы безопасности Российской Федерации, по просьбе руководства ВОВД Октябрьского района г. Грозного, встретился с «оперативной группой» на блокпосту между селами Октябрьское и Новая Жизнь. Далее в письме указывалось, что Аюбхан Магомадов имел внешнее сходство с «разыскиваемым боевиком», и на этом основании сотрудники органов внутренних дел «пригласили его для выяснения интересующих их вопросов в ВОВД Октябрьского района г. Грозного». В письме отмечалось, что Федеральная служба безопасности не располагала информацией о местонахождении Аюбхана Магомадова и советовала матери пропавшего следовало обратиться в ВОВД Октябрьского района г. Грозного.

14. 17 ноября 2000 г. прокуратура Республики Ингушетия направила жалобу матери заявителей на задержание ее сына в прокуратуру Курчалоевского района. 22 ноября, 1, 7 и 24 декабря 2000 г. Министерство внутренних дел Российской Федерации направляло жалобы первого заявителя в Управление внутренних дел по Чеченской Республике. 13 декабря 2000 г. прокуратура Чеченской Республики направила в прокуратуру Курчалоевского района жалобу родителей заявителей на исчезновение их сына с поручением возбудить уголовное дело по статье 126 Уголовного кодекса Российской Федерации (похищение человека).

15. 9 декабря 2000 г. межрайонная прокуратура г. Аргуна сообщила первому заявителю о возбуждении того же числа уголовного дела по факту похищения его брата.

16. 20 декабря 2000 г. Управление внутренних дел по Чеченской Республике сообщило заявителю о том, что 2 октября 2000 г. Аюбхан Магомадов был задержан сотрудниками Федеральной службы безопасности Российской Федерации по подозрению в участии в незаконном вооруженном формировании. Он был доставлен в ВОВД Октябрьского района г. Грозного. В ходе проверки было установлено, что задержанный не был причастен к вооруженным формированиям, и в тот же день он был освобожден. Тем не менее, в связи с наступлением «комендантского часа» брат заявителей попросил провести ночь в здании ВОВД Октябрьского района г. Грозного, на что получил согласие. Утром 3 октября 2000 г. он покинул ВОВД Октябрьского района г. Грозного, и больше его никто не видел. Далее в письме отмечалось, что работники следственного изолятора «Чернокозово» ИЗ-4/2 отрицали тот факт, что Аюбхан Магомедов содержался там под стражей. 8 ноября 2000 г. было возбуждено розыскное дело № К-031/2000, которое затем было направлено в ВОВД Октябрьского района г. Грозного, где в последний раз видели брата заявителей.

17. 29 января 2001 г. начальник уголовного розыска Управления внутренних дел по Чеченской Республике заявил, что первое заявление об исчезновении Аюбхана Магомедова поступило в Управление 15 ноября 2000 г. Сначала указанная жалоба была направлена в Курчалоевский ВОВД, а затем, 6 декабря 2000 г., в ВОВД Октябрьского района г. Грозного. С тех пор никакой информации по данному делу не поступало. В поисковой базе данных Управления не содержится каких-либо ссылок на А.А. Магомадова.

18. В неустановленный день Управление внутренних дел по Чеченской Республике представило справку, в которой указывалось, что Аюбхан Магомадов был задержан 2 октября 2000 г. сотрудником ВОВД Октябрьского района г. Грозного Р. и сотрудниками Курчалоевского районного отдела Федеральной службы безопасности Российской Федерации по подозрению в совершении преступления. Задержанный был доставлен в ВОВД Октябрьского района г. Грозного, где его проверили и установили,

что он был не причастен к совершению преступления. Аюбхан Магомадов был освобожден 3 октября 2000 г. в 8 часов 30 минут, после чего сотрудники ВОВД его не видели. Документ, касающийся проведения оперативных действий по проверке факта причастности Аюбхана Магомадова к совершению преступления, был предоставлен сотрудникам Курчалоевского районного отдела Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

19. В неустановленный день на Аюбхана Магомадова была составлена характеристика, которая была подписана рядом спортивных чиновников Курчалоевского района, а также более чем сорока членами футбольной команды и ее болельщиков. В данной характеристике указывалось, что Аюбхан Магомадов являлся хорошим игроком и надежным членом команды; кроме того, отмечалось, что с 1994 года, с начала боевых действий в Чеченской Республике, Аюбхан Магомадов «в незаконных бандформированиях не участвовал, в террористических актах участия не принимал, склонности к течению ваххабизма не имел, наркотические средства не употреблял и не распространял, торговлей оружия не занимался».

20. Организация «Мемориал» дважды в интересах заявителя обращалась в Генеральную прокуратуру Российской Федерации с запросами о предоставлении информации. В письме от 5 марта 2001 г. содержалось указание на противоречивые сведения, полученные от правоохранительных органов родственниками пропавшего. В письме также указывалось, что, по-видимому, в журнале регистрации задержанных ВОВД Октябрьского района г. Грозного не содержалось каких-либо записей, касающихся Аюбхана Магомадова. Кроме того, к письмам прилагалась копия заявления главы администрации села Курчалой о том, что 2 октября 2000 г. в селе была проведена «спецоперация», в результате которой Аюбхан Магомадов был задержан неизвестными «военнослужащими». Организация «Мемориал» просила также, чтобы правоохранительные органы осуществили ряд действий для установления обстоятельств задержания Аюбхана Магомадова и проинформировать родственников пропавшего о ходе следствия.

21. 19 декабря 2002 г. прокуратура Чеченской Республики сообщила первому заявителю о том, что 17 декабря 2002 г. было отменено постановление о приостановлении предварительного следствия по делу, по которому заявитель выступал в качестве потерпевшего, и производство по делу было возобновлено. Дополнительных сведений предоставлено не было.

22. 17 марта 2003 г. организация «Мемориал» вновь обратилась в Генеральную прокуратуру Российской Федерации с запросом о предоставлении информации о ходе расследования по факту исчезновения Аюбхана Магомадова. Судя по всему, данное письмо осталось без ответа.

23. Власти Российской Федерации в своем меморандуме, представленном 16 сентября 2004 г., сослались на документы, полученные от различных органов государственной власти, и изложили несколько непоследовательных версий того, что произошло с Аюбханом Магомадовым 2 и 3 октября 2000 г. Власти Российской Федерации утверждали, что следователям не удалось установить лиц, виновных в похищении Аюбхана Магомадова, или его местонахождение. Его признали без вести пропавшим и объявили в федеральный розыск. Власти Российской Федерации также утверждали, что имелаась информация, что Аюбхана Магомадова видели в ноябре – декабре 2000 г. в лагере для временно перемещенных лиц в Ингушетии, набирающим боевиков для полевого командира Руслана Гелаева.

2. «Исчезновение» Якуба Магомадова

24. 31 мая 2004 г. представители заявителей сообщили Европейскому Суду об «исчезновении» первого заявителя. Они ссылались на статью 34 Конвенции и связывали задержание первого заявителя с его обращением в Европейский Суд в связи с исчезновением его брата. Они утверждали, что в апреле 2004 г. первый заявитель находился в Москве. 19 апреля 2004 г. он в последний раз связался со своими родственниками.

25. Второй заявитель сослался на информацию, полученную от другого своего брата, Ибрагима Магомадова, и его племянника, Хизира Магомадова. По-видимому, 29 апреля 2004 г. в дом к указанным родственникам заявителя в селе Курчалой приходила группа людей в камуфлированной форме и в масках, которые искали первого заявителя. После вмешательства других сотрудников органов безопасности, люди в камуфляжах предъявили удостоверения сотрудников Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Они сказали Ибрагиму Магомадову прийти в местный отдел ФСБ России. Несколько дней спустя Ибрагиму Магомадову сообщили в местном отделе ФСБ России, что в отношении его брата (первого заявителя) было возбуждено уголовное дело. Других подробностей ему не сообщили.

16. 16 мая 2004 г. один человек, представившийся сотрудником службы безопасности Президента Чеченской Республики, принес матери заявителей записку. Записка была, предположительно, написана первым заявителем и адресована его семье. Содержание записки семье первого заявителя пояснили таким образом, что заявитель в то время находился под стражей в месте расположения основной военной базы Российских Вооруженных Сил в Чеченской Республике, в Ханкале. Записка была датирована 16 мая 2004 г. и подписана «Магомадов». Заявители представили копию этой записки в Европейский Суд. В ней говорится следующее:

«Здравствуйте, мама, папа и все остальные,

Со мной все хорошо. Я здоров, я жив и у меня все в порядке, желаю вам того же. Мама, ты, наверное, узнаешь мой почерк. Бабушка Мака, дедушка Махмуд. Мама, твоего отца звали Япу, имя твоей матери было Шумийат.

Элиза, письмо принесет Тимур из Гельдагена. Пожалуйста, помоги ему найти Юсупа, чтобы меня освободили. Я сейчас за пределами республики. С Юсупом все будет хорошо. Через Юсупа я найду Дода».

27. 7 июня 2004 г. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации направил в Министерство внутренних дел Российской Федерации письмо с просьбой принять меры для установления местонахождения Якуба Магомадова – заявителя по делу, находящемуся на рассмотрении в Европейском Суде.

28. 24 июня 2004 г. Европейский Суд попросил власти Российской Федерации предоставить дополнительную фактическую информацию о местонахождении первого заявителя, а также спросил, не был ли заявитель задержан каким-либо органом государственной власти в апреле – мае 2004 г.

29. 5 июля 2004 г. Министерство внутренних дел Российской Федерации ответило Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации. Было установлено, что в начале 2004 года первый заявитель приехал в г. Москву. 8 февраля 2004 г. первый заявитель был ненадолго задержан сотрудниками Управления внутренних дел Юго-восточного административного округа г. Москвы за административный проступок – нарушение требования о регистрации по месту временного пребывания. Далее в письме сообщалось, что первый заявитель не имел регистрации в столице, что его имя не упоминалось в списках жертв несчастных случаев, без вести пропавших лиц, заключенных или лиц, находящихся в розыске. В органы внутренних дел не поступало никаких заявлений о его похищении или розыске.

30. 22 июля 2004 г. Управление по борьбе с организованной преступностью Министерства внутренних дел Российской Федерации направило еще одно письмо Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации. В письме говорилось, что прокуратурой Курчалоевского района было возбуждено уголовное дело по факту похищения Аюбхана Магомадова. Что касается первого заявителя, то Министерство внутренних дел Российской Федерации не располагало информацией о его местонахождении или предполагаемом похищении.

31. 1 июля 2004 г. прокуратура Курчалоевского района отказала в возбуждении уголовного дела по факту предполагаемого похищения. 19 июля 2004 г. Прокурор Чеченской Республики отменил это постановление и возбудил уголовное дело № 44032 по статье 126 Уголовного кодекса Российской Федерации (похищение человека). Расследование по уголовному делу было поручено прокуратуре Курчалоевского района. Материалы дела, представленные властями Российской Федерации, описаны ниже в разделе «В».

32. В своих меморандумах власти Российской Федерации утверждали, что установить местонахождение первого заявителя не представлялось возможным. Не было получено доказательств того, что первый заявитель содержался на военной базе в Ханкале или что он был похищен федеральными военнослужащими в связи с обращением в Европейский Суд. Также отсутствовала какая-либо информация, которая могла бы связать первого заявителя с незаконными вооруженными формированиями, действовавшими в Чеченской Республике. Власти Российской Федерации ссылались на информацию из МВД России и ФСБ России, которые отрицали, что [их сотрудники] когда-либо задерживали первого заявителя, и утверждали, что не знали о его местонахождении. Власти Российской Федерации также сообщили, что в июле 2004 г. в рамках расследования дела о похищении первого заявителя были допрошены два родственника заявителя, а его мать была признана потерпевшей по делу. Военнослужащий Министерства внутренних дел Чеченской Республики М.Д. был допрошен и показал, что слышал, что первый заявитель был в г. Москве до исчезновения. Из представленных властями Российской Федерации материалов также следует, что в отношении первого заявителя было вынесено постановление о задержании в связи с незаконным хранением взрывчатых веществ.

33. В меморандумах властей Российской Федерации, а также в копии представленного властями постановления прокурора от 26 января 2006 г. указывалось, что 5 июля 2005 г. уголовное дело по факту похищения первого заявителя было приостановлено в связи с неустановлением виновных лиц. 26 января 2006 г. прокуратура Чеченской Республики возобновила производство по делу.

34. Заявители представили копию письма Генеральной прокуратуры Российской Федерации, содержащего подробности ряда случаев преследования защитников прав человека на Северном Кавказе, основанного на соответствующем докладе организации «Международная Амнистия» (*Amnesty International*). В связи с предполагаемым похищением первого заявителя в письме сообщалось, что в июле 2004 г. заявитель был заочно обвинен в незаконном хранении и перевозке взрывчатых веществ и объявлен в розыск. Заявители также сослались на данные милиции на транспорте, согласно которой в мае 2004 г. первый заявитель проехал их Гудермеса (Чечня) в г. Ростов-на-Дону. Генеральная прокуратура Российской Федерации отметила, что родственники первого заявителя не обратились в правоохранительные органы в связи с его исчезновением. В связи с этим Генеральная прокуратура Российской Федерации пришла к выводу, что имелись основания полагать, что первый заявитель подстроил свое исчезновение, чтобы избежать правосудия (см. ниже раздел «В»).

В. Документы, представленные сторонами

35. Стороны представили в Европейский Суд ряд документов, приведенных ниже.

1. Документы из материалов уголовного дела, возбужденного в связи с исчезновением Аюбхана Магомадова

36. В сентябре 2004 г. власти Российской Федерации представили копию всех материалов уголовного дела № 38305, возбужденного по факту исчезновения Аюбхана Магомадова. Дело состоит из трех томов, составляющих примерно 700 листов. Самые важные документы представлены ниже.

а) Постановление о возбуждении уголовного дела

37. 9 декабря 2000 г. прокуратура Курчалоевского района возбудила уголовное дело по факту задержания Аюбхана Магомадова, 1969 года рождения, неизвестными лицами 2 октября 2000 г. в его доме в селе Курчалой. В постановлении прокурор ссылаясь на часть первую статьи 127 Уголовного кодекса Российской Федерации (незаконное лишение свободы).

б) Жалобы заявителей

38. 17 октября 2000 г. мать заявителей написала письмо прокурору Чеченской Республики, в котором она описала обстоятельства задержания ее сына 2 октября 2000 г. и просила прокурора установить местонахождение ее сына.

39. 10 ноября 2000 г. она написала письмо аналогичного содержания в прокуратуру Республики Ингушетия.

40. 17 ноября 2000 г. первый заявитель и его родители обратились к Генеральному прокурору Российской Федерации, Главному военному прокурору, Директору ФСБ России и Министру внутренних дел Российской Федерации с жалобой на бездействие следственных органов. Они сослались на противоречивые заявления, сделанные различными органами государственной власти, и просили осуществить ряд следственных действий, направленных на установление местонахождения их близкого родственника.

41. 7 и 13 февраля 2000 г. первый заявитель написал письмо прокурору Чеченской Республики, в котором он обжаловал неэффективность следствия. Он просил прокурора информировать его о результатах расследования. Он также предложил следователям свою помощь в организации розыска его брата.

42. 17 декабря 2002 г. следователь сообщил первому заявителю, что расследование по уголовному делу было возобновлено.

с) Показания заявителей и членов их семьи

43. 22 декабря 2000 г. первый заявитель был допрошен в качестве свидетеля относительно обстоятельств задержания и исчезновения его брата. В своих показаниях он упомянул документ, подписанный начальником ВОВД Октябрьского района г. Грозного, в соответствии с которым его брат был освобожден 3 октября 2000 г., но добавил, что с тех пор семья [Аюбхана Магомадова] не имела никаких новостей о нем.

44. 23 декабря 2000 г. следователи допросили мать заявителей. Она рассказала о задержании ее сына и его поисках. Она также предоставила фотографию Аюбхана Магомадова.

45. 23 апреля 2002 г. следователи допросили первого заявителя. Он подтвердил, что семья после 2 октября 2000 г. не получала никакой информации об Аюбхане Магомадове. В тот же день первый заявитель был признан потерпевшим по уголовному делу.

46. 29 мая 2002 г. первый заявитель снова был допрошен относительно обстоятельств задержания его брата и его поисков.

д) Показания главы сельской администрации

47. 17 июня 2002 г. следователи допросили главу администрации села Курчалой. Он сообщил, что в тот день, примерно в 14 часов жители села предупредили его, что в доме Магомадовых проводилась «зачистка». Когда он пришел туда, он увидел два бронетранспортера с закрытыми номерами и вокруг дома около 20 человек в камуфлированной форме, большинство из которых были в масках. Глава администрации не знал военнослужащих, проводивших операцию, а они отказались представиться. В сотрудники военной комендатуры и местного отделения милиции, к которым он обратился, ничего не знали об операции и отказались сопровождать его на место происшествия. Когда он вернулся через несколько часов, мать Аюбхана Магомадова сказала ему, что военнослужащие увезли с собой ее сына. Примерно через две недели после этих событий свидетель ездил в ВОВД Октябрьского района г. Грозного вместе с Б., сотрудником районного отдела ФСБ России, чтобы помочь родственникам Аюбхана Магомадова в его поисках. Сотрудник ФСБ зашел в здание ВОВД и вернулся примерно через полтора часа с письмом, подтверждавшим, что 2 октября 2000 г. Аюбхан Магомадов был задержан и на следующий день был освобожден. После этого глава администрации не получал никаких новостей об Аюбхане Магомадове.

е) Информация из ВОВД Октябрьского района г. Грозного

48. 24 декабря 2000 г. следователь ознакомился в ВОВД Октябрьского района г. Грозного с журналами регистрации лиц, доставленных в отделение, и журналом регистрации лиц, помещенных под стражу в изолятор временного содержания в период с 30 сентября по 8 октября 2000 г. Имя Аюбхана Магомадова не встречалось ни в одном из этих журналов.

49. 2 января 2001 г. в ВОВД Октябрьского района г. Грозного подтвердили, что имя Аюбхана Магомадова не встречалось в регистрационных документах, которые велись в отделе.

50. 9 января 2001 г. следователь обратился к прокурору Ханты-Мансийского автономного округа с ходатайством допросить сотрудников милиции, бывших в командировке в ВОВД Октябрьского района г. Грозного в октябре 2000 г., относительно обстоятельств задержания, допроса и освобождения Аюбхана Магомадова.

51. 28 марта 2003 г. следователь обратился к прокурору Тюменской области с ходатайством допросить майора И., бывшего в указанное время начальником криминальной милиции ВОВД Октябрьского района г. Грозного.

52. 4 июня 2002 г. следователь ходатайствовал перед прокурором Ханты-Мансийского автономного округа о допросе майора И. и сотрудника милиции Р., которые в рассматриваемое время служили в ВОВД Октябрьского района г. Грозного.

53. 19 и 20 декабря 2002 г. следователь снова обратился к прокурору Ханты-Мансийского автономного округа и прокурора Тюменской области с ходатайствами о допросе майора И., сотрудника милиции Р. и других сотрудников правоохранительных органов, указав подробный перечень вопросов, касавшихся событий, произошедших 2 – 3 октября 2000 г.

54. 21 января 2003 г. был допрошен сотрудник милиции Р., который показал, что был в командировке в ВОВД Октябрьского района г. Грозного в период с 29 августа по 11 ноября 2000 г. В течение этого периода он много раз участвовал в операциях, проводившихся в селе Курчалой, и, поэтому, не мог вспомнить каких-либо подробностей об операции, проведенной 2 октября 2000 г. Он вспомнил, что он получил оперативную информацию из источников, которые он отказался раскрывать, о том, что Аюбхан Магомадов был активным членом незаконного вооруженного формирования, возглавляемого Гелаевым. 2 октября 2000 г. он принял участие в окружении дома Магомадовых в селе Курчалой, пока другие сотрудники должны были задержать и допросить Аюбхана Магомадова. По словам Р., он помнил, что Аюбхана Магомадова освободили из ВОВД Октябрьского района г. Грозного до окончания комендантского часа, и он также не знал ни о каких документах, составленных в связи с задержанием, допросом и освобождением Аюбхана Магомадова. Далее, он сообщил,

что он слышал от других сотрудников ВОВД Октябрьского района г. Грозного и ФСБ России, что в конце октября – начале ноября 2000 г. Аюбхана Магомадова видели в лагерях временно перемещенных лиц в Ингушетии, когда он набирал новых членов в группу Гелаева.

55. 14 мая 2003 г. Р. был допрошен во второй раз. Он снова сообщил, что 2 октября 2000 г. он вместе с другими сотрудниками ВОВД Октябрьского района г. Грозного сопровождал сотрудников ФСБ России из г. Грозного в с. Курчалой, где они задержали Аюбхана Магомадова и доставили его в ВОВД. Р. сообщил, что, когда их группа приехала в с. Курчалой, они сначала заехали в местный отдел ФСБ России, и два сотрудника этого отдела сопровождали их до дома Магомадовых. Р. не мог вспомнить имена этих сотрудников ФСБ, но он был уверен, что они работали в Грозненском Управлении ФСБ России, в здании которого он был неоднократно и видел их там. Он также был убежден в том, что они были в «хороших отношениях» с начальником ВОВД, и именно по этой причине сотрудники ВОВД сопровождали их, а затем позволили им допросить задержанного в их помещении. По утверждению Р., несколько сотрудников ФСБ сказали ему, что Аюбхан Магомадов был причастен к незаконному обороту оружия и что позднее его видели в Ингушетии нанимавшим боевиков. 18 декабря 2003 г. Р. показали фотографию Аюбхана Магомадова, но он не узнал его.

56. 11 марта 2003 г. следователи допросили майора И., который в рассматриваемое время был начальником криминальной милиции ВОВД Октябрьского района г. Грозного. Он сообщил, что группа сотрудников ФСБ России привезла задержанного в здание ВОВД Октябрьского района г. Грозного и допросила его. Он не знал подробностей этого дела и не поручал задерживать или допрашивать Аюбхана Магомадова. Сотрудники ВОВД не участвовали в задержании или допросе Аюбхана Магомадова, и его не помещали в камеру для административно задержанных лиц. Майор И. рассказал, что он видел задержанного, когда того допрашивал ответственный сотрудник ФСБ России, что задержанный выглядел нормально и что на него не оказывалось никакого физического давления. На следующий день он спросил сотрудников ФСБ, не было ли в здании ВОВД других лиц, находившихся там без разрешения, на что получил отрицательный ответ. Майор И. отрицал, что он когда-либо выдавал справку от 12 октября 2000 г., подтверждавшую заключение Магомадова под стражу в здании ВОВД, утверждал, что он никогда не видел ранее этой справки и не подписывал ее. По его словам, сотрудники ФСБ России просили его выписать такую справку, но он отказался.

57. В июне 2003 г. по результатам почерковедческой экспертизы был сделан вывод, что ввиду недостаточного количества представленных материалов было невозможно определить, принадлежала ли подпись на справке майору И.

58. 7 декабря 2003 г. следователю сообщили, что дальнейший допрос майора И. был невозможен, так как он уволился со службы и покинул свое предыдущее место жительства.

59. 28 апреля 2003 г. следователь допросил полковника С., который в рассматриваемое время возглавлял ВОВД Октябрьского района г. Грозного. Он сообщил, что сотрудники ВОВД участвовали во многих спецоперациях, что он не мог вспомнить каких-либо подробностей об операции, проведенной 2 октября 2000 г., и что вся информация должна иметься в соответствующих журналах ВОВД.

60. С января по июнь 2003 г. следователи допросили более 60 сотрудников Ханты-Мансийского и Тюменского управлений внутренних дел, которые в августе – ноябре 2000 г. работали в ВОВД Октябрьского района г. Грозного. Ни один из них не признал своего участия в задержании или допросе Аюбхана Магомадова, и ни один из них не узнал его по фотографии. Сотрудники милиции, ответственные за камеру для административно задержанных лиц, утверждали, что имена всех задержанных должным образом фиксировались, что камера была единственным местом, использовавшимся для содержания под стражей в здании ВОВД, а также что журналы регистрации были оставлены в ВОВД для следующей смены сотрудников. Они утверждали, что задержанные могли быть переданы другим правоохранительным органам, таким как ФСБ России, только на основании письменного постановления начальника ВОВД.

61. Следователи также установили личность лиц, содержавшихся под стражей в камере для административно задержанных лиц ВОВД Октябрьского района г. Грозного. Двое из них были допрошены в декабре 2003 г. и утверждали, что Аюбхан Магомадов не содержался с ними под стражей ни в этой камере, ни в следственном изоляторе «Чернокозово» в августе 2000 г. – марте 2001 г.

f) Информация из ФСБ России

62. В ответ на запрос следователя, поступивший в марте 2002 г., Курчалоевский районный отдел ФСБ России 10 апреля 2002 г. опроверг факт своей причастности к задержанию Аюбхана Магомадова.

63. 27 апреля 2002 г. по просьбе первого заявителя следователь попросил начальника Управления ФСБ России по Чеченской Республике установить личность и допросить сотрудника «П.», который возглавлял Курчалоевский районный отдел ФСБ России в октябре 2000 г. и, предположительно, участвовал в задержании и допросе Аюбхана Магомадова.

64. 4 июня 2002 г. следователь направил в Курчалоевский районный отдел ФСБ России запрос о предоставлении копии документа, который был выдан его сотрудникам в ВОВД Октябрьского района г. Грозного и касался «оперативных мер»,

принятых при проверке причастности Аюбхана Магомадова к совершению преступлений. Он также просил найти и допросить сотрудника П. и других лиц, которые участвовали в операции 2 октября 2000 г. и допросе Аюбхана Магомадова.

65. 18 июня 2000 г. следователь получил ответ, что в отделе ФСБ Курчалоевского района не было архива и, поэтому, ему не могли предоставить копию запрошенного документа.

66. 23 июня 2002 г. в Управление ФСБ России по Чеченской Республике сообщили следователю, что у них не было информации об операции, проведенной 2 октября 2000 г., или о задержании Аюбхана Магомадова. Также ему сообщили, что сотрудник, возглавлявший районный отдел в указанное время, вернулся после окончания своей командировки на постоянное место жительства и о его местонахождении будет сообщено позже.

67. 26 ноября 2003 г. Управление ФСБ России по Чеченской Республике снова проинформировало следователя о том, что сотрудниками их службы Аюбхан Магомадов не задерживался и что они не располагали информацией о нем.

г) Другие документы, относящиеся к розыску Аюбхана Магомадова

68. 10 декабря 2000 г. следователь просил военную комендатуру Курчалоевского района сообщить ему, какие воинские подразделения принимали участие в спецоперации 2 октября 2000 г. и где находился Аюбхан Магомадов. В своем ответе районная военная комендатура отрицала, что в тот день в селе Курчалой проводились какие-либо спецоперации с участием военнослужащих, и сообщила, что она не располагала какой-либо информацией о местонахождении пропавшего лица.

69. 9 января 2001 г. следователь просил прокурора г. Грозного проверить, не содержался ли Магомадов до сих пор в ВОВД Октябрьского района г. Грозного, в связи с тем, что о нем ничего не было слышно с момента его предполагаемого освобождения 3 октября 2000 г.

70. В марте 2002 г. следователь направил ряд запросов в ФСБ России, в военные комендатуры, в Курчалоевский и Октябрьский районный отделы внутренних дел (РОВД), в места (учреждения) содержания под стражей на Северном Кавказе. Запросы имели целью получение информации об операции, проведенной 2 октября 2000 г. в селе Курчалой, о предполагаемом содержании под стражей Аюбхана Магомадова в ВОВД Октябрьского района г. Грозного 2 и 3 октября 2000 г., о каких-либо свидетелях и лицах, допрашивавших его, а также о его местонахождении в данный момент. К письмам прилагались фотографии и описание Аюбхана Магомадова. Он просил также соответствующие органы предоставить ему копии записей журналов о содержании под стражей за конкретные периоды.

71. В ответе на запрос военная комендатура Курчалоевского района 6 апреля 2002 г. сообщила, что ее военнослужащие не участвовали в операциях 2 октября 2000 г. и что она не располагала никакой информацией о местонахождении Аюбхана Магомадова. В Курчалоевском РОВД также ответили, что их сотрудники были в командировке в Чечне с 29 февраля 2002 г. [так в тексте] и что по прибытии в Чечню они не получили регистрационных документов, относящихся к 2000 году.

72. В 2002 – 2003 годах территориальные управления Министерства юстиции Российской Федерации на Северном Кавказе, ответственные за следственные изоляторы, и территориальные управления ФСБ России сообщили, что имя Аюбхана Магомадова не упоминается в их списках лиц заключенных под стражу.

73. 24 апреля 2002 г. ВОВД Курчалоевского района уведомил следователей, что 28 июня 2001 г. сотрудниками отдела было возбуждено розыскное дело (№ 15/15) в отношении пропавшего А.А. Магомадова. До этого розыскное дело было возбуждено в ВОВД Октябрьского района г. Грозного под номером 3/03.

74. В 2003 г. территориальные управления МВД России в Южном федеральном округе в ответе на запросы следователя подтвердили, что Аюбхан Магомадов состоял в федеральном розыске как без вести пропавший, но у них не было никакой информации об этом лице.

75. В ноябре 2003 г. следователи просили Управление внутренних дел по Чеченской Республике проверить информацию о причастности Аюбхана Магомадова к незаконным вооруженным формированиям. Они просили также РОВД Заводского района г. Грозного предоставить копию материалов розыскного дела, возбужденного этим отделом. Судя по всему, оба запроса остались без ответа.

h) Документы, относящиеся к розыску других «исчезнувших» лиц

76. В материалах дела № 38305 содержится несколько документов, относящихся к другим уголовным делам, расследовавшимся тем же прокурором, которые касались «исчезновений» нескольких человек предположительно после их задержания в ВОВД Октябрьского района г. Грозного в сентябре – октябре 2000 г. Согласно этим документам 29 сентября 2000 г. сотрудники ВОВД задержали К.М. возле кафе на улице Ленина и доставили его в отделение, после чего он исчез. 6 октября 2000 г. неизвестные военнослужащие задержали Б.А. на блокпосту № 102 в г. Грозном, так как у него были недействительные документы, удостоверяющие личность, и доставили его в ВОВД Октябрьского района г. Грозного, и с этих пор о местонахождении Б.А. ничего не известно. 19 октября 2000 г. неизвестные военнослужащие задержали М.Т. на улице Ленина и доставили его в ВОВД Октябрьского района г. Грозного, после чего он исчез. 17 октября 2000 г. А.З. пришел в ВОВД Октябрьского района г. Грозного, где он работал по временному договору, за заработной платой. После получения расчета его

видели во дворе ВОВД Октябрьского района г. Грозного, а затем он исчез, и его местонахождение неизвестно. Сотрудники ВОВД на вопросы об этих лицах отвечают, что они не видели и не задерживали их.

і) Постановления о приостановлении и возобновлении расследования и поручения прокурора

77. 9 марта 2001 г. следователь прокуратуры Аргунского района приостановил производство по уголовному делу № 38305 ввиду невозможности установить виновных лиц.

78. 13 февраля 2002 г. прокурор из прокуратуры Чеченской Республики отменил постановление от 9 марта 2001 г. и направил дело для дополнительного расследования в прокуратуру Аргунского района. В постановлении также перечислялся ряд мер, необходимых для проведения расследования, включая установление личности и допрос сотрудников Октябрьского РОВД и других правоохранительных органов, причастных к задержанию, допросу и освобождению Аюбхана Магомадова.

79. С декабря 2000 г. по январь 2006 г. производство по делу приостанавливалось восемь раз, и каждый раз возобновлялось с указаниями провести более тщательное расследование. В частности, прокуроры поручали установить и допросить сотрудников ФСБ России, которые принимали участие в задержании и допросе Аюбхана Магомадова.

После этого расследование приостанавливалось ввиду невозможности установить виновных, по меньшей мере, шесть раз, а затем снова возобновлялось. Последний документ в материалах дела датирован июлем 2004 г. и касается уведомления властей Российской Федерации о поступлении настоящей жалобы. Последний документ в материалах дела датирован 26 января 2006 г., и повторно даны указания выяснить обстоятельства исчезновения.

2. Представленные заявителями документы, касающиеся исчезновения Аюбхана Магомадова

80. Заявители предоставили информацию, относящуюся к другим случаям «исчезновений» в г. Грозном в 2000 и 2001 годах. Они сообщили, что в 2000 и 2001 годах в Октябрьском районе имели место несколько десятков случаев исчезновений. Они назвали 11 человек, задержанных в феврале – сентябре 2000 г., которых в последний раз видели в ВОВД Октябрьского района г. Грозного, после чего они исчезали или были найдены мертвыми. Во всех случаях были возбуждены уголовные и/или розыскные дела, но они не привели ни к каким результатам.

81. Заявители предоставили также информацию о состоявшемся в 2005г. процессе по делу сотрудника милиции Сергея Л. из Ханты-Мансийского автономного округа, который обвинялся в злоупотреблении полномочиями и причинении тяжкого вреда здоровью, совершенных в январе 2001 г. В соответствии с обвинительным заключением сотрудник милиции обвинялся в жестоком избиении задержанного в здании ВОВД Октябрьского района г. Грозного 2 января 2000 г. Из показаний свидетелей следовало, что в результате избиений задержанный потерял сознание, ему были причинены многочисленные переломы и травмы. Чтобы скрыть преступление, на следующее утро сотрудник милиции подделал постановление об освобождении и увез задержанного, которого больше никто не видел и который считался без вести пропавшим.

3. Документы из материалов уголовного дела, возбужденного по факту исчезновения первого заявителя

82. Власти Российской Федерации представили ряд документов из материалов уголовного дела, возбужденного по факту исчезновения первого заявителя. 1 июля 2004 г. прокурор Курчалоевского района пересмотрел данные об исчезновении первого заявителя и пришел к выводу об отсутствии необходимости в проведении уголовного расследования в связи с отсутствием состава преступления. В соответствующем постановлении была сделана ссылка на сведения, полученные от родственников заявителя из села Курчалой и от его бывшей жены М.К. из г. Москвы, согласно которым заявителя не видели с начала апреля. В постановлении также упоминалось письмо, преданное родственникам первого заявителя сотрудником правоохранительных органов, из которого родственники сделали вывод, что заявитель находился под стражей в Ханкале и просил их (родственников) найти определенного человека, чтобы выйти из-под стражи.

83. 19 июля 2004 г. прокуратура Чеченской Республики отменила постановление от 1 июля 2004 г. и постановила провести расследование по факту исчезновения. В постановлении указывалось, что имелись основания полагать, что первый заявитель был похищен.

84. Уголовному делу был присвоен номер 44032. В августе 2004 г. уголовное дело было передано в районную прокуратуру в г. Москве, поскольку заявителя там видели последний раз. Следствие установило и допросило бывшую жену первого заявителя, М.К., которая показала, что она и первый заявитель развелись в 2001 году и она последний раз видела его в октябре 2003 г.

85. Кроме того, следствие установило, что первый заявитель находился в розыске по подозрению в незаконном хранении взрывчатых веществ. Уголовное дело в

отношении заявителя расследовалось ФСБ России. Ввиду таких обстоятельств, следствие пришло к выводу, что вероятность похищения заявителя сотрудниками правоохранительных органов исключалась. Следствие не смогло получить никаких сведений о предполагаемом похищении заявителя в г. Москве в апреле 2004 г.

86. В январе 2005 г. расследование дела было передано в прокуратуру Чеченской Республики. 5 июля 2005 г. следствие было приостановлено в связи с неустановлением виновных лиц. 26 января 2006 г. расследование было возобновлено. Заместитель прокурора Чеченской Республики отметил, что расследование было неполным и в его ходе не были выяснены обстоятельства исчезновения первого заявителя.

4. Информация из Генеральной прокуратуры Российской Федерации относительно исчезновения первого заявителя

87. Заявители представили копию письма Генеральной прокуратуры Российской Федерации председателю Совета по развитию демократического общества и правам человека Элле Памфиловой. В письме, датированном 1 марта 2005 г., содержались сведения о ряде заявлений о преследовании правозащитников на Северном Кавказе, основанных на докладе организации «Международная Амнистия» (*Amnesty International*). В отношении первого заявителя в письмо говорилось следующее:

«Установлено, что Я.А. Магомадов уехал из г. Москвы 2 апреля 2004 г. и последний раз связался с родственниками 19 апреля 2004 г., после чего от него не поступало известий. 29 апреля 2004 г. неизвестные лица, вооруженные огнестрельным оружием, в камуфляжной форме и масках, искали Магомадова в с. Курчалой. 16 мая 2004 г. родственники получили записку, предположительно написанную Магомадовым, и копию его паспортной фотографии. Человек, который принес записку и фотографию, утверждал, что [первый заявитель] содержался под стражей на военной базе в Ханкале, что его туда доставили из г. Москвы и что [его родственникам] было необходимо найти определенного человека, в обмен на освобождение Магомадова.

Родственники связались с военной базой в Ханкале, где им сказали, что [первый заявитель] под стражей там не содержался. Из показаний Ибрагима Магомадова следует, что записку им доставил сотрудник Службы безопасности Президента Чеченской Республики по имени Тимур, родившийся в с. Гельдаген.

По информации, представленной начальником Курчалоевского РОВД, сотрудник [Магомед Д.] патрульно-постовой службы милиции при Министерстве внутренних дел Чеченской Республики использует радиопозывной сигнал «Лорд» и своим друзьям и родственникам известен как Тимур. Будучи допрошенным в качестве свидетеля, [Д.] показал, что приехал из с. Гельдаген. Он не знал [первого заявителя] и никогда его не видел. О задержании [первого заявителя] в г. Москве он знал от местных жителей.

Мать первого заявителя, М. Магомадова, была допрошена в качестве свидетеля и показала, что в 2000 году во время операции по «зачистке» ее сына Аюбхана похитили. ... Другой ее сын, [первый заявитель], активно искал Аюбхана, но никого не нашел. [Первый заявитель] жил в г. Москве с начала 1990-х годов. Находясь в г. Москве, он подал жалобу в Европейский Суд. В связи с розысками брата [первый заявитель] приехал в Чечню и сказал матери, что сотрудники правоохранительных органов посоветовали ему быть менее настойчивым в поисках брата. Матери не было известно, чтобы на [первого заявителя] оказывалось какое-либо еще давление. Ей также не было известно, о предполагаемом обыске, проведенном у нее дома сотрудниками ФСБ России 19 мая 2003 г. Относительно информации из организации «Мемориал» о том, что [первый заявитель] последний раз связался с ними 18 или 19 апреля 2004 г., она [мать заявителя] пояснила, что звонить им [первый заявитель] не мог, поскольку с селом Курчалой нет телефонной связи.

29 апреля 2004 г. [М. Магомадова] вернулась домой из Гудермеса, и ее невестка сказала ей, что примерно в обед в них приходили сотрудники правоохранительных органов, которые искали [первого заявителя], а затем попросили Ибрагима [Магомадова, брата заявителя] прийти в военную комендатуру. На следующий день Ибрагим ходил в комендатуру, но о содержании разговора мать заявителя ничего не знает. Ей не было ничего известно о записке, предположительно полученной от [первого заявителя], и она не смогла бы узнать его почерк.

Ибрагим Магомадов, брат [первого заявителя], пояснил, что у него был младший брат по имени Юсуп, который последние два года жил в г. Москве. Он боялся возвращаться в Чечню, поскольку у него были друзья среди членов [незаконных вооруженных формирований]. [Первый заявитель] также не разрешал ему возвращаться домой. Будучи допрошенным в качестве свидетеля, Ибрагим Магомадов показал, что примерно год Юсуп не жил дома и что, по слухам, он присоединился к незаконному вооруженному формированию. Он не знал о местонахождении брата. [Первый заявитель] последние разы был дома в феврале, марте и апреле 2004 г. Относительно информации организации «Мемориал» о том, что [первый заявитель] звонил им 18 и 19 апреля из г. Москвы, – это не могло быть правдой, поскольку телефонной связи с селом Курчалой нет.

29 апреля 2004 г. он получил через свою жену сообщение с просьбой явиться в правоохранительные органы. 30 апреля 2004 г. он пришел в военную комендатуру, где беседовал с сотрудником ФСБ России по имени Сергей. Сотрудник задавал ему вопросы о [первом заявителе], в частности о том, приехал ли он на машине и была ли у него машина.

В середине мая 2004 г. их посетил сотрудник Службы безопасности Президента по имени Тимур и кличке «Лорд», который принес записку от [первого заявителя], где он написал, что находился на территории Чечни. Тимур также сказал, что [первый заявитель] просил найти через брата Юсупа человека по имени Дода. Записка была написана почерком [первого заявителя]. Они не обратились в Ханкалу в связи с поисками [первого заявителя]. Они не искали Дода, поскольку этот человек не мел отношения к Юсупу. [Четверо других родственников] дали аналогичные показания.

Кроме того [второй заявитель] показал, что после получения записки он поехал в г. Москву, где встретился с М.К. [бывшей женой первого

заявителя]. Она сказала, что последний раз видела его в г. Москве в апреле 2004 г. Она не пояснила, при каких обстоятельствах [она его видела]. Она также сообщила, что сотрудники уголовного розыска г. Москвы³ пытались найти [первого заявителя]. Он не предпринимал других шагов для розыска брата и не обращался на военную базу в Ханкале. Он не знал о местонахождении [первого заявителя].

Начальник Курчалоевского районного отдела ФСБ России ответил, что им не было известно о местонахождении [первого заявителя] и они не предпринимали действий по его розыску.

В ходе следствия оказалось невозможным обнаружить оригинал записки. Кроме того, родственники [первого заявителя] не имели образца его почерка, и, поэтому, не было возможности проверить, кто был автором записки.

16 августа 2004 г., исходя из сведений от свидетелей и организации «Мемориал» о том, что [первого заявителя] последний раз видели в г. Москве, дело было передано для расследования в прокуратуру г. Москвы.

Начальник оперативно-розыскного бюро – начальник центра «Г» [Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Южному федеральному округу?⁴] ответил следователю, что [первого заявителя] разыскивало следственное управление ФСБ России в связи с расследованием уголовного дела.

Установлено, что уголовное дело № 245 было возбуждено 29 июля 2004 г. старшим следователем по особо важным делам следственного управления ФСБ России по части второй статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации. Уголовное дело было возбуждено по показаниям [М.] о незаконном хранении взрывчатых веществ при следующих обстоятельствах.

В 2003 году М. встретил жителя села Курчалой по имени Якуб. В ноябре 2003 г. Якуб попросил его спрятать кое-какое принадлежавшее ему оружие. Через несколько дней после разговора Якуб принес ему несколько пакетов, в которых, как предположил М., были взрывчатые устройства. Он спрятал пакеты в сарае по адресу: Московская область ... в феврале 2004 г. М. решил избавиться от взрывчатых веществ. Он отнес пять пакетов к пруду, расположенному в ... и, разбив лед, бросил пакеты в воду.

27 июля 2004 г. место преступления было осмотрено в присутствии М. Было обнаружено три пакета. По оценке экспертов Института криминологии ФСБ России, найденные предметы были взрывчатыми устройствами, содержащими пластиковую взрывчатку, электрические детонаторы ЕД-8 и мелкие металлические шарики.

На основании изложенного 5 августа 2004 г. [первого заявителя] заочно обвинили в совершении преступления, предусмотренного частью второй статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации, и объявили в розыск.

В ходе расследования следственный орган выразил сомнения относительно того, был ли [первый заявитель] действительно похищен или он инсценировал свое похищение, узнав, что его разыскивает ФСБ России в

³ Так в тексте. Видимо, речь идет об управлении уголовного розыска Главного управления внутренних дел г. Москвы (*прим. переводчика*).

⁴ Скобка со знаками препинания изложена в редакции, приведенной Секретариатом Европейского Суда (*прим. переводчика*).

связи с тяжким преступлением. Эта версия подтверждается информацией, полученной из Северокавказского управления внутренних дел на транспорте, согласно которой между 1 апреля и 13 сентября 2004 г. были использованы следующие билеты: Я.А. Магомадов выехал из Гудермеса в Ростов 16 мая 2004 г. в 14 часов 30 минут. Билет был приобретен 15 мая 2004 г. в 9 часов 11 минут. В то же время, родственники [первого заявителя] утверждали, что он уехал из Чечни 2 апреля 2004 г. Кроме того, никто из родственников [первого заявителя] не обратился в правоохранительные органы для организации его поисков.

Материалы проверок, проведенных сотрудниками ФСБ России в доме семьи Магомадовых в селе Курчалой 19 мая 2003 г. и 29 апреля 2004 г., были отложены и направлены военному прокурору Объединенной Группы Войск 9 августа 2004 г. (документ № 23-1699-04).

По указанию Генеральной прокуратуры Российской Федерации 14 января 2005 г. уголовное дело № 44032 было направлено прокуратурой г. Москвы в прокуратуру Чеченской Республики для дальнейшего расследования. 3 февраля 2005 г. материалы дела были получены следователем указанной прокуратуры, который продлил срок следствия до 5 апреля 2005 г. Расследование дела продолжается.»

ПРАВО

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ВЛАСТЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТНОСИТЕЛЬНО ИСЧЕРПАНИЯ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

88. В своих замечаниях, представленных после принятия Европейским Судом решения о приемлемости жалобы, власти Российской Федерации утверждали, что заявители не исчерпали внутригосударственные средства правовой защиты, принимая во внимание продолжение расследования уголовного дела на территории Российской Федерации.

89. Европейский Суд повторяет, что согласно правилу 55 Регламента Суда любое заявление о неприемлемости [жалобы] должно быть сделано государством-ответчиком в письменных или устных замечаниях о приемлемости жалобы (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «К. и Т. против Финляндии» (K. and T. v. Finland), жалоба № 25702/94, *ECHR* 2001-VII, § 145; и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «N.C. против Италии» (N.C. v. Italy), жалоба № 24952/94, *ECHR* 2002-X, § 44). Однако в своих замечаниях о приемлемости жалобы власти Российской Федерации не затронули этот вопрос. Более того, Европейский Суд не усматривает никаких исключительных обстоятельств, которые могли бы освободить власти Российской Федерации от обязанности заявить предварительное возражение до вынесения Палатой Европейского Суда решения о приемлемости от 24 ноября 2005 г. (см. Постановление Европейского Суда по делу

«Прокопович против Российской Федерации» (Prokopovich v. Russia) от 18 ноября 2004 г., жалоба № 58255/00, § 29).

90. Следовательно, на данной стадии производства по делу власти Российской Федерации лишены права делать предварительное замечание о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты (см., *mutatis mutandis*⁵, Постановление Европейского Суда по делу «Браччи против Италии» (Bracci v. Italy) от 13 октября 2005 г., жалоба № 36822/02, §§ 35–37). Таким образом, предварительное возражение властей Российской Федерации должно быть отклонено.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

91. Заявители утверждали, что их брат, Аюбхан Магомадов, был незаконно убит представителями органов государственной власти. Они также утверждали, что власти Российской Федерации не провели эффективное и надлежащее расследование обстоятельств исчезновения Аюбхана Магомадова. Заявители ссылались на статью 2 Конвенции, которая звучит следующим образом:

«1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

- а) для защиты любого лица от противоправного насилия;
- б) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;
- с) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа.»

А. Предполагаемое несоблюдение права Аюбхана Магомадова на жизнь

1. Доводы сторон

92. Ссылаясь на статью 2 Конвенции, заявители утверждали, что не могло быть никаких разумных сомнений в том, что 2 октября 2000 г. представители государственной власти задержали Аюбхана Магомадова, не зафиксировали задержание в письменной форме и лишили Аюбхана Магомадова жизни. На протяжении более чем шести лет не получено никакой информации о местонахождении Аюбхана Магомадова. Заявители утверждали, что ситуации непризнанного

⁵ *Mutatis mutandis* (лат.) – с соответствующими изменениями (*прим. переводчика*).

задержания⁶ в Чеченской Республике должны рассматриваться как угрожающие жизни, и ссылались на другие известные случаи, когда лица, задержанные при аналогичных обстоятельствах, исчезали или их обнаруживали мертвыми.

93. Власти Российской Федерации утверждали, что не было никаких убедительных доказательств в поддержку довода заявителей о том, что Аюбхан Магомадов был задержан представителями властей или что он был мертв. Власти Российской Федерации ссылались на сведения о том, что Аюбхана Магомадова видели в Ингушетии после 3 октября 2000 г., когда он набирал боевиков.

2. Мнение Европейского Суда

94. Европейский Суд отмечает, что он уже выработал ряд общих принципов, касающихся установления рассматриваемых фактов, в частности при оценке довода об исчезновении лица, заявленного в рамках статьи 2 Конвенции (последний краткий вариант принципов см. в Постановлении Европейского Суда по делу «Базоркина против Российской Федерации» (*Bazorkina v. Russia*) от 27 июля 2006 г., жалоба № 69481/01, §§ 103-109). В свете этих принципов Европейский Суд установит определенные ключевые элементы в данном деле, которые должны быть приняты во внимание при определении того, можно ли считать Аюбхана Магомадова умершим и можно ли ответственность за его смерть возложить на власти Российской Федерации.

95. Заявители утверждали, что их брата задержали военнослужащие во время операции по поддержанию безопасности. В поддержку своей версии они ссылались на ряд обстоятельств, ни одно из которых не было оспорено властями Российской Федерации. Кроме того, большая часть утверждений заявителей в этом отношении подтверждается материалами уголовного дела, представленными властями Российской Федерации. Хотя расследование не привело к выявлению виновных в исчезновении Аюбхана Магомадова или к установлению его местонахождения, тем не менее в его ходе было собрано множество доказательств, указывающих, что пропавшего видели в здании ВОВД Октябрьского района г. Грозного.

96. В частности, на основании доводов сторон и материалов дела, включая показания очевидцев и официальные документы, Европейский Суд полагает установленным, что 2 октября 2000 г. Аюбхан Магомадов был задержан группой военнослужащих из нескольких правоохранительных органов, включая сотрудников ВОВД Октябрьского района г. Грозного и ФСБ России (см. выше §§ 11, 13, 16, 18 и 47). Он был задержан по подозрению в участии в незаконной деятельности, хотя официально обвинение ему предъявлено не было. В тот же день он был допрошен в помещении ВОВД Октябрьского района г. Грозного сотрудниками ФСБ России,

⁶ *Unacknowledged detention* (англ.) – фактическое задержание лица (ограничение его свободы), которое отрицается властями и, следовательно, не оформлено документально (*прим. переводчика*).

предположительно в связи с вопросом о его причастности к незаконной деятельности (см. выше §§ 54 – 56). Официальных документов о задержании или допросе Аюбхана Магомадова в ВОВД Октябрьского района г. Грозного не составлялось.

97. Хотя сотрудники ВОВД Октябрьского района г. Грозного утверждали, что отпустили Аюбхана Магомадова без причинения ему какого-либо вреда 3 октября 2000 г. после окончания комендантского часа, его больше никогда не видели, а его семья с этой даты не имела никаких сведений о нем. В ходе следствия не были установлены точные обстоятельства освобождения Аюбхана Магомадова. Отсутствует правдоподобное объяснение тому, что произошло с Аюбханом Магомадовым после задержания. Содержащиеся в показаниях некоторых военнослужащих сведения о том, что Аюбхана Магомадова видели в Ингушетии в конце 2000 г., основаны на слухах и не подтверждаются материалами, исследованными Европейским Судом.

98. Европейский Суд с большим сожалением отмечает, что ряд рассмотренных им дел заставляют предположить, что феномен «исчезновений» достаточно распространен в Чечне (см., например, приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу «Базоркина против Российской Федерации» (*Bazorkina v. Russia*), Постановление Европейского Суда по делу «Имакаева против Российской Федерации» (*Imakayeva v. Russia*), жалоба № 7615/02, *ECHR* 2006-..., и Постановление Европейского Суда по делу «Лулуев и другие против Российской Федерации» (*Luluyev and Others v. Russia*), жалоба № 69480/01, *ECHR* 2006-...). Информация, подтверждающая наличие иных случаев исчезновений после непризнанного задержания, содержится в материалах уголовного дела, представленного властями Российской Федерации, и в сведениях, представленных заявителями (см. выше §§ 76 и 80 – 81). Европейский Суд согласен с заявителями, что в контексте вооруженного конфликта в Чечне в случае задержания лица неустановленными военнослужащими без последующего признания факта задержания, эту ситуацию можно рассматривать как угрожающую жизни. Отсутствие Аюбхана Магомадова или каких-либо сведений о нем в течение более чем шести лет подтверждает это предположение. Более того, позиция органов прокуратуры и иных правоохранительных органов, после того как заявители сообщили им о задержании Аюбхана Магомадова, существенным образом сказалась на вероятности его исчезновения, поскольку никаких необходимых мер не было предпринято в решающие первые дни или недели после задержания. Поведение властей в свете обоснованных жалоб заявителей дает основания серьезно подозревать как минимум пассивное признание ситуации и вызывает сильные сомнения в объективности следствия.

99. На основании изложенного Европейский Суд полагает, что вне всяких разумных сомнений установлено, что Аюбхана Магомадова следует полагать умершим после его непризнанного задержания государственными военнослужащими.

Следовательно, речь идет об ответственности властей Российской Федерации. Поскольку власти Российской Федерации не сослались ни на одно из исключений из права на жизнь, перечисленных в пункте 2 статьи 2 Конвенции, следовательно власти Российской Федерации несут ответственность за предполагаемую смерть Аюбхана Магомадова.

100. Таким образом, в этой части имело место нарушение статьи 2 Конвенции в отношении Аюбхана Магомадова.

В. Предполагаемый ненадлежащий характер расследования по факту похищения Аюбхана Магомадова

1. Доводы сторон

101. Заявители утверждали, что власти Российской Федерации не провели эффективного расследования обстоятельств задержания и исчезновения Аюбхана Магомадова в нарушение процессуальной составляющей статьи 2 Конвенции. Заявители утверждали, что расследование не отвечало стандартам, закрепленным Конвенцией и законодательством Российской Федерации. Они указывали на то, что значительный период времени – более шести лет – прошел без получения следствием каких-либо известных результатов. Из-за задержки с возбуждением уголовного дела и принятием важных мер они настаивали, что расследование не было незамедлительным. Ряд следственных действий, таких как допрос определенных старших сотрудников ВОВД Октябрьского района г. Грозного и установление и допрос сотрудников ФСБ России, ответственных за задержание и допрос Аюбхана Магомадова, так и не был осуществлен.

102. Власти Российской Федерации не согласились с этим утверждением. Они полагали, что расследование по факту исчезновения Аюбхана Магомадова было проведено в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации и что были предприняты все разумные шаги для установления его местонахождения. Аюбхан Магомадов был объявлен в федеральный розыск, а его поиски продолжались.

2. Мнение Европейского Суда

103. Европейский Суд неоднократно устанавливал, что обязанность по защите права на жизнь в соответствии со статьей 2 Конвенции также подразумевает требование того, что в случае насильственной смерти лица должно проводиться в какой-либо форме эффективное официальное расследование (см. среди многих других примеров Постановление Европейского Суда по делу «Кайя против Турции» (Kaуа v. Turkey) от 19 февраля 1998 г., *Reports of Judgments and Decisions* 1998-I, p. 329, § 105). Европейский Суд разработал ряд руководящих принципов для оценки того,

соответствует ли расследование требованиям Конвенции (краткое изложение принципов см. в приведенном выше Постановлении Европейского Суда по делу «Базоркина против Российской Федерации» (*Bazorkina v. Russia*), §§ 117 – 119).

104. В данном деле расследование проводилось по факту похищения брата заявителей. Европейский Суд должен оценить, отвечало ли расследование требованиям статьи 2 Конвенции.

105. Для начала Европейский Суд отмечает, что власти были незамедлительно уведомлены о задержании Аюбхана Магомадова, поскольку члены его семьи, включая заявителей, подали жалобы в прокуратуры и другие правоохранительные органы в дни, последовавшие за задержанием 2 октября 2000 г. Они также лично посетили ВОВД Октябрьского района г. Грозного. Однако уголовное дело было возбуждено только 9 декабря 2000 г., то есть более чем через два месяца после события. После возбуждения уголовного дела, расследование изобиловало дальнейшими задержками. Мать заявителя допросили в конце декабря 2000 г. первого заявителя признали потерпевшим по делу в апреле 2002 г. Главу местной администрации, который был очевидцем операции по поддержанию безопасности от 2 октября 2000 г. и играл активную роль в поисках пропавшего человека, допросили в июне 2002 г. Особо обращает на себя внимание то обстоятельство, что сотрудники ВОВД Октябрьского района г. Грозного, которые содержали под стражей Аюбхана Магомадова в месте, где его последний раз видели живым, были допрошены только в 2003 году.

106. Такие задержки сами по себе скомпрометировали эффективность расследования и не могли не сказаться негативно на перспективе установления истины по делу. Соглашаясь, что эти задержки могут быть в части объяснены исключительными обстоятельствами, имевшими место в Чечне в рассматриваемое время, Европейский Суд полагает, что в данном деле они явно превысили любые приемлемые ограничения эффективности, которые были бы допустимы при расследовании такого тяжкого преступления.

107. Требуют комментариев другие моменты расследования. Показания военнослужащих, допрошенных в качестве свидетелей, и официальные документы, составленные ВОВД Октябрьского района г. Грозного, Управлением ФСБ России по Чеченской Республике и Управлением внутренних дел по Чеченской Республике, содержат несколько взаимоисключающих версий задержания и допроса брата заявителей (см. выше §§ 11, 13, 16, 18, 47 и 54 – 56). Для примера, бывший сотрудник ВОВД Октябрьского района г. Грозного Р. показал 21 января 2003 г., что он принимал участие в операции в селе Курчалой, во время которой Аюбхан Магомадов был задержан у себя дома по подозрению в том, что являлся активным членом незаконного вооруженного формирования. Однако бывший начальник ВОВД Октябрьского района г. Грозного, майор И., сообщил 11 марта 2003 г., что сотрудники ВОВД не принимали

участия в задержании Аюбхана Магомадова и что он был доставлен в здание ВОВД группой сотрудников ФСБ России. По-видимому, следствие не предприняло шагов для разрешения этих противоречий. Следствие также не установило и не допросило сотрудников ФСБ России, которые принимали участие в задержании и допросе. Европейский Суд особо удивлен явно низким уровнем сотрудничества, продемонстрированным этим органом государственной власти при рассмотрении запросов прокуроров. В качестве иллюстрации такого недостаточного сотрудничества Европейский Суд отмечает документ, представленный отделом Федеральной службы безопасности Российской Федерации Курчалоевского района Чеченской Республики, в котором говорилось, что отдел не вел архивов и, поэтому, не мог представить никакой информации о предполагаемом допросе Аюбхана Магомадова (см. выше § 65).

108. Европейский Суд особо беспокоит то обстоятельство, что во время расследования настоящего дела прокуратура столкнулась с как минимум еще четырьмя случаями исчезновений в сентябре и октябре 2000 г. лиц, которых последний раз видели в ВОВД Октябрьского района г. Грозного. Несмотря на схожесть фактических обстоятельств этих дел и возможной причастности одних и тех же сотрудников к соответствующим событиям, расследование указанных дел, по-видимому, не было соединено производством. Европейский Суд полагает, что от следственных органов требовались более скоординированные усилия для привлечения к ответственности лиц, виновных в том, что, по-видимому, не является единственным случаем исчезновения лиц с применением силы в здании ВОВД Октябрьского района г. Грозного в рассматриваемый период.

109. Многие из этих упущений были очевидны прокурорам, которые несколько раз давали указания осуществить определенные действия, такие как допрос сотрудников ФСБ России. Однако эти указания либо не выполнялись, либо выполнялись с недопустимой задержкой. В заключение, относительно способа проведения расследования Европейский Суд отмечает, что на протяжении пяти лет расследование приостанавливалось и возобновлялось как минимум восемь раз. Заявители, несмотря на процессуальный статус первого заявителя – потерпевший, не были должным образом проинформированы о ходе следствия, а единственная информация, которая доходила до них, касалась приостановления и возобновления производства по делу.

110. В свете изложенного Европейский Суд полагает, что власти Российской Федерации не провели эффективного расследования обстоятельств исчезновения и предполагаемой смерти Аюбхана Магомадова. Следовательно, Европейский Суд постановляет, что в этом отношении также имело место нарушение статьи 2 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

111. Заявители утверждали, что имелись серьезные основания полагать, что их брат подвергся обращению, противоречащему статье 3 Конвенции. Они также утверждали, что вследствие страданий и эмоциональных переживаний, которые были им причинены в результате исчезновения их брата, они стали жертвой обращения, запрещенного Конвенцией. Они ссылались на статью 3 Конвенции, в которой закреплено следующее:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

А. Предполагаемое нарушение статьи 3 Конвенции в отношении Аюбхана Магомадова

112. Заявители утверждали, что ввиду ситуации в ВОВД Октябрьского района г. Грозного в рассматриваемое время имелись основания полагать, что Аюбхан Магомадов подвергся обращению, противоречащему статье 3 Конвенции.

113. Власти Российской Федерации полагали, что отсутствовали неоспоримые доказательства в поддержку утверждения заявителей о том, что власти жестоко обращались с Аюбханом Магомадовым. Они ссылались на показания военнослужащих, согласно которым, находясь в здании ВОВД Октябрьского района г. Грозного, Аюбхан Магомадов был в нормальном психическом и физическом состоянии и не подвергался насилию.

114. Европейский Суд повторяет, что утверждение о жестоком обращении должно быть подкреплено соответствующими доказательствами. Для оценки этих доказательств Европейский Суд примет стандарт доказывания «вне всякого разумного сомнения», но добавляет, что такие доказательства могут вытекать из совокупности достаточно четких, ясных и последовательных выводов или аналогичных неопровержимых презумпций фактов (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (Ireland v. the United Kingdom) от 18 января 1978 г., Series A, № 25, pp. 64 – 65, §§ 161 и последующие).

115. Европейский Суд установил, что брат заявителей был задержан 2 октября 2000 г. военнослужащими в доставлен ВОВД Октябрьского района г. Грозного. Европейский Суд также пришел к выводу, что, ввиду всех известных фактов, можно предположить, что Аюбхан Магомадов мертв и что ответственность за его смерть лежит на властях Российской Федерации (см. выше §§ 94-99). Однако обстоятельства его смерти и тот факт, подвергался ли Аюбхан Магомадов жестокому обращению, находясь под стражей, не были установлены.

116. В представленных в его распоряжение материалах Европейский Суд не усматривает никакого указания на достоверность утверждения заявителей о жестоком обращении. Европейский Суд установить вне всякого разумного сомнения, что Аюбхан Магомадов подвергся жестокому обращению. Следовательно, Европейский Суд не может сделать вывод, что в этом отношении имело место нарушение статьи 3 Конвенции.

В. Предполагаемое нарушение статьи 3 Конвенции в отношении заявителей

117. Ссылаясь на сложившуюся практику Европейского Суда, заявители утверждали, что явились жертвой обращения, попадающего под действие статьи 3 Конвенции, вследствие страданий и переживаний, которые они пережили в связи с исчезновением их брата и ненадлежащей реакцией властей на их жалобы.

118. Европейский Суд повторяет, что вопрос о том, является ли член семьи «исчезнувшего лица» жертвой обращения, противоречащего статье 3 Конвенции, будет зависеть от наличия особых факторов, которые придают страданиям заявителя степень и характер, отличающие их от неизбежных переживаний родственников лиц, ставших жертвами серьезного нарушения прав человека. К соответствующим элементам относятся близость семейных связей, особые обстоятельства взаимоотношений, объем событий, очевидцем которых был родственник жертвы, участие члена семьи в попытках получения информации об исчезнувшем лице и способ, которым власти отвечали на эти запросы. Европейский Суд также подчеркивает, что суть такого нарушения не обязательно заключается в факте «исчезновения» члена семьи заявителя, а, скорее, касается реакции властей и их отношения к ситуации, представленной на их рассмотрение. Особенно в отношении последних указанных обстоятельств родственник [исчезнувшего лица] может прямо заявлять, что он является жертвой действий властей государства-ответчика (см. Постановление Европейского Суда по делу «Орхан против Турции» (*Orhan v. Turkey*) от 18 июня 2002 г., жалоба № 25656/94, § 358).

119. В данном деле Европейский Суд отмечает, что заявители являются братьями исчезнувшего лица – Аюбхана Магомадова. Первый заявитель принимал активное участие в поисках брата. На протяжении более шести лет заявители не получали никаких сведений об Аюбхане Магомадове. В течение этого времени заявители обращались, лично и в письменной форме, в различные органы государственной власти в запросами относительно их брата. Несмотря на их попытки, они так и не получили правдоподобного объяснения или сведений о том, что стало с их братом после задержания 2 октября 2000 г. В полученных заявителями ответах большей частью отрицалась ответственность государства за задержание Аюбхана Магомадова или просто содержалось уведомление о проведении расследования.

Выводы Европейского Суда относительно процессуальной составляющей статьи 2 Конвенции также напрямую применимы и в данном случае (см. выше §§ 103-110).

120. Ввиду изложенного Европейский Суд полагает, что заявители испытывали и продолжают испытывать страдания и переживания в результате исчезновения их брата и в результате своей неспособности узнать, что с ним случилось. Способ, которым власти рассматривали жалобы заявителей, должен рассматриваться как бесчеловечное обращение по смыслу статьи 3 Конвенции.

121. Поэтому, Европейский Суд приходит к выводу, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении заявителей.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

122. Ссылаясь на статью 5 Конвенции, заявители утверждали, что Аюбхан Магомадов подвергся непризнанному задержанию в нарушение принципов, закрепленных статьей 5 Конвенции в целом. Статья 5 Конвенции звучит следующим образом:

1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

a) законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом;

b) законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;

c) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

d) заключение под стражу несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное заключение под стражу, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом;

e) законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг;

f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче.

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом "с" пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию».

123. В подтверждение своей жалобы на нарушение статьи 5 Конвенции заявители ссылались на следующие доказательства: показания очевидцев о задержании Аюбхана Магомадова военнослужащими в форме, которые посадили его в бронетранспортер, письма из различных органов государственной власти, сообщающие, что в задержании Аюбхана Магомадова принимали участие военнослужащие ФСБ России и ВОВД Октябрьского района г. Грозного, показания очевидцев – сотрудников, которые видели Аюбхана Магомадова в здании ВОВД Октябрьского района г. Грозного 2 октября 2000 г. Заявители подчеркивали, что власти Российской Федерации не привели веских доводов в объяснение задержания Аюбхана Магомадова и что не было составлено официальных документов о его задержании или освобождении. Заявители утверждали, что власти Российской Федерации не объяснили, что произошло с Аюбханом Магомадовым после его предполагаемого освобождения из-под стражи.

124. Власти Российской Федерации возражали против этого утверждения. Они подчеркивали, что в ходе следствия были получены доказательства, что Аюбхан Магомадов действительно был приглашен в ВОВД Октябрьского района г. Грозного, чтобы проверить оперативную информацию, однако он не был задержан никаким правоохранительным органом и, поэтому, записи о его задержании отсутствовали.

125. Европейский Суд ранее установил, что непризнанное задержание является полным отрицанием гарантий защиты от произвольного задержания лица и свидетельствует о серьезном нарушении статьи 5 Конвенции. Принимая во внимание ответственность властей за лиц, находящихся под их (властей) контролем, статья 5 Конвенции требует от властей принятия эффективных мер для защиты от риска исчезновения и проведения эффективного расследования по подлежащей доказыванию жалобе о том, что лицо было помещено под стражу и с тех пор его никто не видел (см. приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу «Орхан против Турции» (*Orhan v. Turkey*), §§ 367 – 369).

126. Было установлено, что брат заявителей был задержан 2 октября 2000 г. военными и с тех пор его никто не видел. Обвинение ему предъявлено не было, хотя, как следует из некоторых документов, причиной его задержания и допроса было подозрение в причастности к определенной преступной деятельности. Его задержание не было зарегистрировано в журналах мест содержания под стражей, и нет никаких официальных следов последующего местонахождения или судьбы Аюбхана Магомадова. Согласно практике Европейского Суда, это обстоятельство само по себе является крайне серьезным нарушением, поскольку дает лицам, ответственным за лишение свободы, скрыть свою причастность к преступлению, уничтожить следы и избежать ответственности за судьбу задержанного. Кроме того, отсутствие записей о задержании лица, содержащих такие сведения как дата, время и место задержания, имя задержанного, а также причину задержания и имя лица, осуществившего задержание, должно рассматриваться как не соответствующее самой цели статьи 5 Конвенции (см. приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу «Орхан против Турции» (*Orhan v. Turkey*), § 371).

127. Европейский Суд также полагает, что власти Российской Федерации должны были бы проявить большее внимание к необходимости провести более тщательное и незамедлительное расследование по жалобам заявителей на то, что их брат был похищен неизвестными военными, забравших его при обстоятельствах, которые можно считать угрожающими жизни. Европейский Суд отмечает, что заявители обратились к соответствующим властям незамедлительно после задержания. Расследование должно было бы проводиться особо активно, как только была получена информация о других аналогичных случаях исчезновений, которые имели место в то же время в ОВД Октябрьского района г. Грозного. Однако изложенные выше доводы и выводы Европейского Суда относительно статьи 2 Конвенции, в частности касающиеся расследования, не оставляют сомнений в том, что власти не предприняли незамедлительных и эффективных мер для защиты Аюбхана Магомадова от риска исчезновения.

128. Следовательно, Европейский Суд полагает, что Аюбхан Магомадов подвергся непризнанному задержанию без обеспечения каких-либо гарантий, содержащихся в статье 5 Конвенции, и, поэтому имело место нарушение права на свободу и личную неприкосновенность, гарантированного статьей 5 Конвенции.

V. СОБЛЮДЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 34 КОНВЕНЦИИ

129. Второй заявитель настаивал, что «исчезновение» первого заявителя в 2004 году было связано с подачей им жалобы в Европейский Суд и являлось грубым нарушением обязанности Российской Федерации не вмешиваться в право на подачу

индивидуальной жалобы, закрепленное статьей 34 Конвенции, которая гласит следующее:

«Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права».

130. Власти Российской Федерации утверждали, что не было информации в поддержку довода о том, что первого заявителя когда-либо задерживали сотрудники правоохранительных органов или что его похитили. Лиц, о которых члены семьи второго заявителя сообщили, что они знают о местонахождении первого заявителя, установить не смогли, а расследование уголовного дела, возбужденного по заявлению по похищении, продолжалось.

131. Европейский Суд повторяет, что для эффективного функционирования системы подачи индивидуальной жалобы, установленной статьей 34 Конвенции, крайне важно, чтобы заявители могли свободно общаться с Европейским Судом, не подвергаясь какому-либо давлению со стороны властей с целью заставить их (заявителей) отозвать или изменить свои жалобы. В этом контексте «давление» включает в себя не только прямое насилие и случаи явного запугивания, но также иные ненадлежащие косвенные действия или контакты, направленные на то, чтобы разубедить или отговорить заявителей от использования конвенционных способов защиты. Вопрос того, являются ли контакты между властями и заявителем неприемлемой практикой с точки зрения статьи 34 Конвенции или нет, должен определяться в свете конкретных обстоятельств дела. В контексте допроса властями государства-ответчика, осуществляющими следственную функцию, заявителей об их жалобах, поданных в соответствии с Конвенцией, это будет зависеть от того, были ли проводимые процедуры связаны с какой-либо формой незаконного и неприемлемого давления, которое можно считать вмешательством в право на подачу индивидуальной жалобы (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Айдын против Турции» (*Aydın v. Turkey*), от 25 сентября 1997 г., *Reports of Judgments and Decisions* 1997-VI, pp. 1899 – 1900, §§ 115 – 117, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салман против Турции» (*Salman v. Turkey*), жалоба № 21986/93, *ECHR* 2000-VII, § 130).

132. В данном деле второй заявитель утверждал, что его брата, первого заявителя, власти незаконно задержали в связи с подачей им жалобы в Европейский Суд. В поддержку этой версии он ссылаясь на записку, предположительно написанную

первым заявителем, которую в семью принес сотрудник сил безопасности (см. выше § 26). Однако найти эту записку не удалось, и невозможно было провести почерковедческую экспертизу. Второй заявитель не располагал больше никакой информацией о том, что произошло с первым заявителем. Он не утверждал, что первый заявитель подвергался угрозам или давлению в связи с его жалобой в Европейский Суд.

133. Европейский Суд также отмечает, что семья первого заявителя не обратилась к властям Российской Федерации в связи с предполагаемым исчезновением и что расследование было начато только после коммуникации настоящей жалобы властям Российской Федерации. Следственный орган установил военнослужащих и допросил их, но показания не подтвердили доводы второго заявителя (см. выше § 87). Кроме того, из рассмотренной Европейским Судом информации следует, что первого заявителя разыскивали в связи с расследуемым в отношении него уголовным делом и что его предполагаемое исчезновение могло быть связано с этим обвинением (см. выше §§ 85 и 87). В ходе следствия был установлен и допрошен ряд лиц, которые могли знать о местонахождении первого заявителя в г. Москве и в Чечне, но следственные органы не смогли помочь установить, что произошло с первым заявителем.

134. Европейский Суд с сожалением отмечает, что расследование по факту исчезновения первого заявителя было начато с существенной задержкой – 19 июля 2004 г. Однако Европейский Суд полагает, что как минимум часть этой задержки следует поставить в вину семье заявителей, которые не сообщили о данном обстоятельстве властям. Документы из представленных властями Российской Федерации материалов уголовного дела и другие материалы свидетельствуют, что следственные органы предприняли шаги для расследования преступления, однако никакой информации о местонахождении первого заявителя получить не удалось. В то же время, уголовное дело в отношении первого заявителя расследуется с июля 2004 г., и заявитель объявлен в розыск.

135. При таких обстоятельствах Европейский Суд полагает, что не располагает достаточными материалами, чтобы сделать вывод о том, что предполагаемое исчезновение первого заявителя связано с его жалобой, что его вообще задерживали представители органов государственной власти или что власти Российской Федерации иным образом нарушили свои предусмотренные статьей 34 Конвенции обязанности не вмешиваться в право на подачу индивидуальной жалобы.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

136. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся

Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

137. Заявители не представили требований компенсации материального ущерба.

138. Второй заявитель требовал 75 000 евро в качестве компенсации морального вреда, причиненного исчезновением Аюбхана Магомадова. Он также требовал 55 000 евро в качестве компенсации морального вреда, причиненного исчезновением другого брата – первого заявителя.

139. Власти Российской Федерации полагали требования чрезмерными.

140. Европейский Суд отмечает, что относительно исчезновения Аюбхана Магомадова он (Европейский Суд) установил нарушение статей 2 и 5 Конвенции. Сами заявители были признаны жертвами нарушения статьи 3 Конвенции. Европейский Суд согласен, что заявителям был причинен моральный вред, который не может быть компенсирован одним фактом установления нарушения. В связи с жалобой на нарушение статьи 34 Конвенции относительно предполагаемого исчезновения первого заявителя Европейский Суд отмечает, что не смог выявить материалы, подтверждающие это утверждение. При таких обстоятельствах и действия на основании принципа справедливости, Европейский Суд присуждает второму заявителю, также в отношении первого заявителя, 40 000 евро плюс любой налог, который может быть взыскан с этой суммы.

В. Судебные расходы и издержки

173. Интересы заявителей представляли юристы из неправительственной организации «Европейский центр по защите прав человека – Мемориал» (NGO ENHRAC/Memorial Human Rights Centre). Заявители утверждали, что их представители понесли следующие расходы:

(a) 1 000 евро за 40 часов изыскательских работ в Чечне и Ингушетии при стоимости одного часа работы в размере 25 евро;

(b) 6 00 евро транспортных расходов для разъездных сотрудников;

(c) 2 500 евро за 50 часов работы по составлению юристами в г. Москве юридических документов, представленных в Европейский Суд и властям Российской Федерации, при стоимости одного часа работы в размере 50 евро;

(d) 550 английских фунтов стерлингов за 5,5 часов работы двух юристов из Соединенного Королевства при стоимости одного часа работы в размере 100 английских фунтов стерлингов;

(e) 642 английских фунта стерлингов за переводы согласно представленным счетам; и

(f) 170 английских фунтов стерлингов в виде административных расходов.

142. Власти Российской Федерации оспорили разумность и обоснованность сумм, заявлены по данному пункту. Они также возражали против требования представителей заявителей перевести сумму компенсации за представительство интересов заявителей непосредственно на их счет в Соединенном Королевстве.

143. Европейский Суд должен установить, во-первых, были ли указанные заявителем расходы понесены в действительности, и, во-вторых, были ли они необходимыми (см. приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу «МакКанн и другие против Соединенного Королевства» (*McCann and Others v. the United Kingdom*) от 27 сентября 1995 г., Series A, № 324, p. 63, § 220).

144. . Европейский Суд отмечает, что с самого начала рассмотрения жалобы интересы заявителей представляли юристы организации «Европейский центр по защите прав человека – Мемориал» (EHRAC/Memorial). Европейский Суд убежден, что приведенные выше размеры стоимостей услуг являются разумными и отражают расходы, действительно понесенные представителями заявителя.

145. Кроме того, Европейский Суд также должен установить, были расходы, понесенные заявителем в связи с представительством его интересов, необходимыми. Европейский Суд отмечает, что дело являлось довольно сложным, включало в себя существенное количество фактических и письменных доказательств, включая материалы уголовного дела, и требовало большой исследовательской работы и подготовки. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что его обычной практикой уже стало указывать, чтобы присужденные суды компенсации судебных расходов и издержек перечислялись бы непосредственно на счет представителей заявителя (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Тоджу против Турции» (*Toğsu v. Turkey*) от 31 мая 2005 г., жалоба № 27601/95, § 158, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Начова и другие против Болгарии» (*Nachova and Others v. Bulgaria*), жалобы №№ 43577/98 и 43579/98, *ECHR* 2005-VII, § 175, и приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу «Имакаева против Российской Федерации» (*Imakayeva v. Russia*).

146. При таких обстоятельствах и принимая во внимание подробности требований, представленных заявителями, Европейский Суд присуждает по данному пункту следующие суммы соответственно тем, что были заявлены: 4 100 евро и 1 362 английских фунта стерлингов, исключая любой налог на добавленную стоимость, который может быть взыскан с этих сумм, при этом общая сумма подлежит выплате в фунтах стерлингов на указанный заявителями счет представителей в банке в Соединенном Королевстве.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

147. Европейский Суд счел уместным, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процента.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД ЕДИНОГЛАСНО:

- 1) *отклонил* предварительные возражения властей Российской Федерации;
- 2) *постановил*, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в связи с исчезновением Аюбхана Магомадова;
- 3) *постановил*, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в связи с непроведением эффективного расследования обстоятельств исчезновения Аюбхана Магомадова;
- 4) *постановил*, что отсутствовало нарушение статьи 3 Конвенции в отношении Аюбхана Магомадова;
- 5) *постановил*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении заявителей;
- 6) *постановил*, что имело место нарушение статьи 5 Конвенции в отношении Аюбхана Магомадова;
- 7) *постановил*, что отсутствовало нарушение предусмотренной статьей 34 Конвенции обязанности не препятствовать праву на подачу индивидуальной жалобы;
- 8) *постановил*:
 - (a) что Государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления Постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить второму заявителю следующие суммы:
 - (i) 40 000 (сорок тысяч) евро в качестве компенсации морального вреда, подлежащих переводу в российские рубли по курсу, установленному на день оплаты;
 - (ii) 4 100 (четыре тысячи сто) евро и 1 362 (одну тысячу триста шестьдесят два) английских фунта стерлингов в качестве компенсации судебных расходов и издержек, [при этом] общая сумма подлежит переводу в английские фунты стерлингов по курсу на день выплаты и перечислению на счет представителей в банке в Соединенном Королевстве;
 - (iii) любые налоги, которые могут быть взысканы с этих сумм;
 - (b) что по истечении указанного трехмесячного срока и до произведения окончательной выплаты на указанные суммы начисляется простой процент в размере предельной годовой кредитной ставки Европейского центрального банка, существующий на период невыплаты, плюс три процента;

9) *отклонил* остальную часть требований заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, и уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 12 июля 2007 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Сёрен НИЛЬСЕН
Секретарь Секции Суда

Христос РОЗАКИС
Председатель Палаты Суда